

ЕСЛИ ПРЕОДОЛЕЕМ — У НАС ПОЯВИТСЯ ШАНС

Интервью с Юрием Козловым

У известного прозаика, автора более 30 книг, главного редактора “Роман-газеты” и “Детской “Роман-газеты”, Юрия Вильямовича Козлова специально для “Нашего современника” взяла интервью Виктория Татур.

В. Т.: Вы провели детство в Ленинграде. Интересно, какой он — ваш Петербург, и есть ли у вас там особые “места силы”?

Ю. К.: Да, действительно, в Ленинграде я окончил школу. Это мой любимый город, и я жил там до семнадцати лет. Это время, когда формируется человек, складываются его идеалы, он начинает осознавать себя личностью. Затем наступает возраст взросления: первая любовь, мечты, планы, вхождение во взрослый мир. Это прекрасное время оставляет в человеке самые светлые впечатления. Собственно, вся юношеская литература живёт на этих впечатлениях. Чем искреннее автору удаётся передать свои ощущения, тем больший отклик находит в душе читателя такая литература. Можно вспомнить мировую классику: “Тома Сойера” Марка Твена, “Над пропастью во ржи” Сэлинджера, “Дикую собаку Динго” Фраермана, “До свидания, мальчики!” Балтера, “Первую любовь” Тургенева. Главное достоинство этих произведений — свежее, искреннее юношеское восприятие мира. Что касается меня, то, действительно, в Петербурге у меня есть любимые места. Это моя школа, первая в Ленинграде с углублённым изучением английского языка. Туда даже приезжали преподаватели из Оксфорда, читали курс английской литературы. О том, как жили, о чём думали в конце шестидесятых годов молодые люди в Ленинграде, я написал роман под названием “Изобретение велосипеда”. Он был очень популярным в своё время, несколько раз переиздавался, о нём много писали. Считается, что этот роман отразил время, когда заканчивалась эпоха Beatles, набирал силу постмодерн, а в СССР начинался период застоя. Это, в общем-то, было для советской страны не худшее время. Ещё можно было что-то изменить, пересмотреть. Был на это общественный запрос. Но не случилось, и это повлияло на общество. Люди начали терять веру в будущее, из жизни ушла энергия, лозунгам больше никто не верил. Да, юность прекрасна, полна надежд, но окружающая жизнь подёрнута тленом. Вот это противоречивое состояние и было передано в романе. Самое удивительное, что его до сих пор помнят и читают. Там описан Ленинград, его улицы, Нева, дома. Можно сказать, что город — главный герой романа.

В. Т.: *Как вы совмещаете в себе столь разные ипостаси общественного деятеля и писателя? Кем вы себя считаете в первую очередь, если, конечно, об этом так можно говорить, – редактором, пишущим прозу, или прозаиком, который занимается ещё и таким серьёзным журналом?*

Ю. К.: Общественным деятелем я себя не считаю, для этого нужны особые качества: талант оратора, умение убеждать окружающих в своей правоте. Я ими не обладаю. Окончив школу, я переехал в Москву, поступил в Полиграфический институт. После института работал в журнале “Пионер”. Потом служил в армии на Чукотке. Затем работал в журнале “Юность”. В середине 70-х годов журнал “Юность” был очень популярным. Тираж – почти три миллиона. Главным редактором там был Борис Николаевич Полевой, классик советской литературы, автор “Повести о настоящем человеке” и многих других произведений в жанре соцреализма. В “Юности” я работал в отделе публицистики. Потом перешёл в журнал “Огонёк”. За эти годы я объездил весь необъятный Советский Союз. Был на Северном полюсе, на Камчатке, в Сибири, плавал на пограничном сторожевом корабле, он назывался “ПСКР “Айсберг”, вдоль Курильской гряды. Редакция “Юности” как бы шефствовала над этим кораблём, тогда были приняты такие вещи. В команде было много молодёжи – офицеры, матросы-срочники, а “Юность” считалась молодёжным журналом. Я на этом корабле больше месяца плавал, высаживался на островах, куда не пускали без специального разрешения. Видел японские технические сооружения, бетонные ангары с иероглифами на стенах, остатки аэродромов, секретных военных баз. Журналистика, как любая работа, – школа жизни. С одной стороны, видишь людей, разнообразную природу бескрайней страны – горы, леса, поля, реки, великие стройки, типа БАМа или нефтепровода Уренгой–Помары–Ужгород. С другой – один набор продуктов от Калининграда до Владивостока, какую-то усталость людей, их внутреннюю опустошённость, неверие в советские идеалы. Собственно, это исподволь – сквозь цензуру – и исследовала в то время советская литература. Читали таких писателей, как Трифонов, Маканин, Окуджава, Аксёнов. Многих – Венедикта Ерофеева, Довлатова, Петрушевскую – в самиздате. Эти писатели отражали в своих произведениях исчерпанность советской идеологии, разделение общества на привилегированные “верхи” и стоящие в очередях за продуктами и товарами “низы”, неверие общества в идеалы. Она была глубоко пессимистичной. Не все произведения легко прорывались сквозь цензуру. Выходили всё время какие-то постановления: то одного нельзя, то другого. Творческих людей – писателей, кинематографистов, режиссёров, художников – естественно, это раздражало, осложняло им жизнь.

В. Т.: *Да, цензура в те времена сковывала писателей, да и других деятелей культуры. Но, насколько я знаю, писательский труд всё же был ценен и хорошо оплачивался.*

Ю. К.: Скажу вам честно, я много лет работал и жил как профессиональный писатель, пользовался теми преференциями, которые давала советская Родина членам Союза писателей СССР. Когда человек становился членом этого творческого Союза писателей, он получал право не работать, мог жить более или менее свободно, не опасаясь, что накажут за тунеядство. Писатели заключали договоры с издательствами, у них выходили книги, и эти книги великолепно оплачивались. Гонорары были совершенно не такими, как сейчас. Профессиональный писатель мог очень неплохо по тогдашним меркам жить литературным трудом. С развалом СССР всё это закончилось. Людям творческих профессий пришлось выживать, искать места, где можно было хоть как-то прокормиться. Я работал в глянцевого журналах, в газете “Россия”, сочинял рекламные тексты. Потом оказался в пресс-службе Государственной Думы. Тогда она была оппозиционной, Ельцин всё время порывался её разогнать. В начале нулевых перешёл в Аналитическое управление Совета Федерации, а потом возглавил там пресс-службу. Там-то я и наблюдал, как живут и трудятся народные избранники, как действует бюрократическая государственная машина. Это, конечно, нельзя считать общественной деятельностью, как и любую государственную службу.

В. Т.: *Но вы, как я понимаю, никогда не переставали заниматься литературой.*

Ю. К.: Это правда. С 2001 года я стал главным редактором журнала “Роман-газета” и до сих пор им являюсь, то есть это уже почти двадцать два года. Можно сказать, засиделся на этой должности, но поскольку редакция у нас небольшая, меня до сих пор терпят. Журнал выходит два раза в месяц и по нынешним временам пользуется достаточной популярностью. Ещё мы издаём ежемесячную “Детскую “Роман-газету”, тираж которой растёт. Получается три журнала в месяц общим тиражом более пяти тысяч экземпляров. “Детскую “Роман-газету” любят и дети, и их родители. Она рассказывает детям о традиционной русской культуре, публикует отечественную классику, разного рода просветительские статьи. Можно добавить, что все известные современные российские писатели прошли через “Роман-газету”. В этом году, кстати, журнал отмечает своё 95-летие. Сам факт, что издание столько лет существует, весьма отраден. Мы, конечно, стараемся встроиться в новые электронные форматы – развиваем свой сайт, подписку онлайн, присутствуем на разных литературных порталах, но при этом замечаем, что как только в обществе происходят какие-то сдвиги или потрясения, всё опять незаметно возвращается к бумажной книге. Поэтому я думаю, что рано списывать её со счетов. Книга существует сотни лет, а её цифровые варианты – всего лишь лет тридцать. Наверное, “Роман-газета” – уходящая натура, как и любой литературный журнал. Сейчас каждый пишущий человек может запросто выставить свой текст в интернете. Тем не менее “Роман-газета” живёт и, надеюсь, будет жить долго. Журнал выписывают библиотеки, интересующиеся современной литературой и современными авторами. Выписывают учебные заведения, где есть кафедры русского языка и литературы. Есть категория подписчиков, которые помнят старую советскую “Роман-газету”, когда у неё был многомиллионный тираж. Это уже пожилые люди, но есть и молодые. Журнал выручает его относительно невысокая цена и “книжность” – в номере, как правило, печатается одно прозаическое произведение. Мы публикуем литературу на самые разные вкусы: реалистические романы, детективы, женскую прозу, военные мемуары, исторические и биографические исследования. Например, сборники Флорентия Павленкова. Они выходили в XIX веке: о Богдане Хмельницком, об Иване Грозном, о русских императорах. То есть стараемся удовлетворить самые разные читательские вкусы, охватить всю аудиторию. Думаю, что это и есть тот спасательный круг, на котором держится “Роман-газета”.

В. Т.: *Есть ли у вас как у главного редактора страх пропустить или не заметить талантливого автора?*

Ю. К.: Есть авторы, которых мы бы и рады печатать, например, Пелевина или Акунина, да и Дмитрий Быков как прозаик был бы для наших читателей интересен. Но у этих авторов уже есть договоры с крупными издательствами вроде АСТ или Эксмо. Они нигде больше не могут печататься без разрешения этих издательств. Это довольно жёсткие коммерческие, я бы даже сказал, западные условия договора. Они связывают авторов, которые существуют как издательские проекты. Их продвигают как “лидеров продаж”. Тем не менее в журнале публикуются другие популярные авторы, например, Юрий Поляков, Александр Проханов, Виктор Пронин. Много лет назад мы первые напечатали Захара Прилепина, его роман “Патологии” о чеченской войне. Тогда он был молодым, и мы успели его напечатать, а сейчас это уже классик, который публикуется только за большие гонорары и живёт, наверное, частично с доходов от литературы. Если появляется талантливый яркий автор, мы его с радостью и напечатать, и рекламу ему сделаем, будем его приглашать на литературные вечера и презентации. Среди наших авторов много молодых – Платон Беседин, Андрей Тимофеев, Андрей Антипин, Сергей Шаргунов, Анастасия Чернова. Возраст таланту не помеха. Мы различаем авторов не по возрасту, а по таланту.

В. Т.: *Вы ведь публикуете ещё и победителей премии “В поисках правды и справедливости”?*

Ю. К.: Да, “Роман-газета” – соучредитель этой премии. Каждый год мы выпускаем специальный номер с победителями этой премии в трёх номинациях: прозы, поэзии и публицистики. Я помню вашу книгу, её тоже отметили дипломом – очень хорошая, живая, оригинальная, я с большим удовольствием прочитал. Бывают у нас и другие сборники: “Молодая проза России”, “Современный российский рассказ”, “Современная повесть”, “Военная проза”.

В. Т.: *Недавно в качестве мастера вы принимали участие в Совещании “Посадский ЭкспрессЪ” от Совета молодых литераторов. Интересно, что вы чувствуете, когда попадаете на подобные мероприятия?*

Ю. К.: Я часто попадаю на подобные мероприятия. С одной стороны, ощущаешь себя на них таким почтенным старцем, который делится опытом и вспоминает былое. Я в литературе уже почти полвека и многих помню. Уже упомянутого Бориса Николаевича Полевого или главных редакторов журналов “Октябрь” и “Огонёк” Анатолия Ананьева и Анатолия Софронова. Когда я вступал в Союз писателей, это было очень давно, сорок лет назад, то моими оппонентами были Семён Михайлович Бабаевский – поклонник Сталина, автор романа “Кавалер золотой звезды” – и Борис Можаяев – глубокий почвенник, ненавистник коллективизации и колхозов. Вот какого масштаба писатели в то время занимались молодыми авторами. Рекомендацию в Союз писателей мне давал классик уже следующего за ними поколения, критик Владимир Бондаренко называл его “поколением сорокалетних”, Владимир Маканин. Несколько лет назад он тоже умер. Поэтому я стараюсь авторам, которые присутствуют на моих семинарах, рассказать что-то интересное, передать что-то из своего литературного опыта, привести примеры из своей жизни. С другой стороны, при чтении их произведений у меня тоже возникают разные мысли. Ведь я имею дело с новыми литературными поколениями, у них другой взгляд на мир, они живут в другой реальности, у них своя эстетика, своя стилистика. То есть формируется некий синтез прошлого и настоящего, обнаруживаются какие-то точки соприкосновения. Это и есть преемственность литературных традиций. К примеру, когда я был молодым, на одном из совещаний лекцию читал Леонид Леонов – наш классик и великий писатель. Надеюсь, что и нынешние семинаристы что-то запомнят из наших разговоров, что-то им пригодится. Сейчас интерес к литературе в обществе падает, и то, что на семинарах собираются люди, которым интересна литература, которые хотят стать профессиональными писателями, обнадеживает. Это одна из “низовых” форм развития культуры, саженцы, которые потом превратятся в большие деревья.

В. Т.: *Помимо того, что вы даёте современным молодым авторам на семинарах, делитесь опытом и даёте какие-то советы, чему вы сами учитесь у них?*

Ю. К.: Я начинаю лучше понимать реальность. Когда прочитаешь 7-8 авторов, как на семинаре “Посадский ЭкспрессЪ”, то перед глазами как бы встают определённые фрагменты жизни общества и страны. И это не то, что говорят по радио или телевизору. Это то, что идёт непосредственно от людей. Каждый из авторов опирается на свой опыт, на жизненные истории своих близких, родственников. Как они живут, как зарабатывают, как относятся к власти, как оценивают то, что происходит? В прозе молодых писателей я вижу глубочайшую неудовлетворённость реалиями сегодняшней жизни. Есть некий изъян в нашей жизни, какой-то страшный провал. То общественное устройство, которое сложилось в стране, абсолютно не устраивает огромное количество людей. Это буквально рвётся из молодой прозы. Герои произведений, казалось бы, должны радоваться жизни, они полны сил, у них всё впереди. Но нет. Вот о чём надо думать обществу и тем, кто занимается политикой.

В. Т.: *На открытии Совещания “Посадский ЭкспрессЪ” вы привели цитату Розанова о писателях. Интересно, кто для вас писатель и какой он?*

Ю. К.: Писатель сегодня совершенно точно не властитель дум и не учитель жизни. Сам труд писателя, престиж писательской профессии чудовищно упали. Писатель не получает гонораров, даже в реестре профессий его нет.

Писателей как общественных фигур можно по пальцам пересчитать: Юрий Поляков, Александр Проханов, Дмитрий Быков, Борис Акунин. А так, по большому счёту, писатель сейчас — маргинальная личность, пытающаяся из подполья что-то сказать обществу и как-то до него докричаться. Это человек, который видит всю несправедливость общества, его пороки и язвы, но, — к счастью или к сожалению, — чтобы донести до читателей свою боль, может рассчитывать только на собственные силы. Он сам должен найти издателя, добиться, чтобы его напечатали. Или — за собственный счёт. Государство в этом деле писателю не помощник. Если в обществе изменится отношение к литературе, тогда писатель будет ощущать себя иначе. Сегодня он лишний человек.

В. Т.: *В начале нашей беседы вы упомянули свой роман “Изобретение велосипеда”, и мне бы хотелось к нему вернуться. Тогда он получил очень много откликов и даже повлиял на поколение подростков того времени. Если бы вы сегодня начали писать роман именно для подростков, что бы вы им сказали, чтобы он тоже повлиял на них?*

Ю. К.: Знаете, если бы я взялся за что-то подобное, то опять бы обратился к своему личному опыту. При этом я бы искал какую-то гармонию между прошлым, традициями людей старшего поколения и верой в грядущее просветление нашего общества. Мне представляется, что сейчас наша цивилизация катится в пропасть, потому что из её сердцевины исчез человек в лучшем своём проявлении — как высший смысл развития. Это не био-техно-цифровой, а духовный человек, который читает, чем-то интересуется, куда-то стремится. Он думает не только о себе, но и о других, пытается выйти за пределы тех рамок, которые ему ставят силы, регулирующие мировые процессы. Это человек, у которого есть идеалы. Сейчас общество дать их неспособно, поэтому каждый должен самостоятельно их формулировать и им следовать. Когда мы говорим о молодёжи, мне кажется, что это главное. У Владимира Солоухина есть роман “Мать-мачеха”. Когда его герой — молодой поэт — осознаёт весь ужас сталинизма, он приходит в Литинститут к старому поэту, своему учителю, и спрашивает, как жить, когда всех сажают, когда ни о чём нельзя писать, когда все запуганы и всюду ложь, тот ему отвечает: “Голову под топор — проходи мимо временного”. Вот сейчас, мне кажется, у нас такой же период. Если пройдем, преодолеем, то у нас появится шанс.